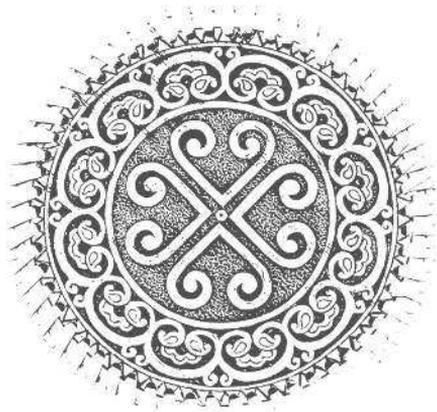

АРИАДНА БОРИСОВА

НЕБЕСНЫЙ ОГОНЬ

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б82

Оформление серии *П. Петрова*

Художник *О. Исаева*

Борисова, Ариадна.

Б82 Небесный огонь / Ариадна Борисова. – Москва :
Издательство «Э», 2017. – 352 с. – (Этническое фэн-
тези).

ISBN 978-5-04-088592-3

Был у народа, живущего на берегах реки Элен, древний обычай посвящения. Когда вырастали молодые воины, приходилось им выдерживать тяжелые испытания, чтобы доказать свою силу, храбрость и смекалку. В конце обряда юношей, прошедших сквозь огонь, воду и лавины стрел, погружали в чаны с холодным молоком, подобно тому, как в кузне поступают с горячими клинками. Но пришел час, когда не только закаленным воинам, а всем людям Элен предстоит выдержать самое тяжелое и важное испытание – не поддаться искушениям зла и сохранить себя и свой народ.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-088592-3

© Борисова А., текст, 2017
© Исаева О., иллюстрация на переплете, 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Жребий

Сказание восьмое

Домм первого вечера¹

НАХОДКИ И ПОТЕРИ

Одулларский старшина показал Сандалу, как его народ умеет составлять послания на бересте, и подробно рассказал о них. Разговор о Знаках-на-коже-дерева потряс жреца. Даже не сам разговор, а неясная мысль, словно молнией ударившая в голову. Подобно молнии, она и пропала. Не смог Сандал ее удержать.

Целый день жрец метался в своей маленькой юрте. То начинал растирать порошки, то бездумно застывал у окна, потрескивая пальцами. Эту привычку он к старости почему-то перенял у Ньики. Чем больше весен Сандал вырезал на пластинке для счета дней, тем чаще вспоминал верховного.

Отосут зашел звать к обеду в общую юрту — Сандал отослал травника. Вечером выгнал Абыра, тот сунулся глянуть, чем занят главный. Опамятовался, лишь когда новая тьма придвинулась к окнам.

Оказывается, одуллары с незапамятных времен научились наносить свои воспоминания на бересту острием ножа. Первыми придумали Знаки-на-коже-дерева женщины, затем и мужчины

¹ Толковник переводных слов и определений со сведениями о народах, населяющих северо-восточную часть Орто, о божествах, духах и др. находится на последних страницах книги.

стали отмечать нужное о рыбалке, охоте, перекочевках, считали время по нарисованным полным и ущербным лунам. Одуллары нисколько не боялись живописать имеющих души. Вот уж поистине разные у племен поверья и запреты!

Будучи мальчишкой Гилэтом, Сандал не раз встречал оповестительные знаки на бересте и «говорящие» узлы на веревках. Они не были сложными. Гилэт понимал, о чем человек, оставивший их, хотел кого-то уведомить или предупредить.

В день, когда маленький воришка проник в дом верховного, он увидел там на столе странную вещь — ветхий сундучок, заполненный тонкими кожаными пластинами. Листы сверху донизу были исписаны закорючками. Позже верховный Ньика объяснил, что закорючки называются письменами, а сундучок, содержащий их, — доммом. У слова «домм» оказалось несколько значений, которые перетекали из одного в другое. В первом оно было небесным звуком. Во втором — присловьем к молитве. В третьем — Именем Белого Творца среди множества Его Имен.

Древний домм создал ученый человек из племени алахчинов. Это племя когда-то ушло из своих исконных земель. Об алахчинских жрицах удаган, поклонявшихся Небесной Кобылице, упоминал нельгезид в Эрги-Эн. Они и увели свой народ в неизвестность, убегая от какого-то демона. В беседу вмешался кузнец орхо и сообщил, что алахчины растворились в племенах дуги моря Ламы и Великой степи, а часть во главе со жрицами затерялась в Великом лесу...

Сандал уснул на исходе ночи, забыв потушить огонь сальной площадки. Вышел за двери утром, зажмурился и понял, что опоздал к восходу. Солнечный очаг уже разгорелся и окутал долину розовым теплом. Закрытые веки ловили летучие тени облаков... И вдруг снизошел божественный свет! Озарение, стремительное, как вчерашняя мысль, открыло темя жрецу на пороге юрты. Голову осенило истиной простой и ясной.

«Ты найдешь то, что ищешь», — сказал Сандалу говорящий дух высшего человека Рыры.

«Ты найдешь то, что ищешь», — сказали Сандалу говорящие глаза предводителя шаманов.

Жрец им поверил.

Дрожая, он закрыл лицо ладонями, боясь едва нарожденной мысли, как опасаются и трепещут перед приходом давно не виденного гостя, одновременно страшась, что он не придет.

Мысль не уходила. Она сияла в голове вместе с солнцем, и Сандал, задыхаясь от волнения, покорился ее ликующему натиску. Кинулся в юрту, забежал из угла в угол, не зная, за что взяться. Зачем-то схватил шапку, комкая ее... Солнечная мысль билась в виски, глаза слепли от невыносимого света. Сдерживая себя, Сандал мелкими шажками двинулся к полке с лекарствами. Поискал Каменную смолу — всегдашнее средство для успокоения души. Отколупнул черную капельку, бросил в чашу с ледовой водой и забыл о снадобье — ринулся к другой полке. На ней лежали полосы бересты и рулоны чистой ровдуги. Торопливо развернув берестяной лист, отшвырнул его. Потянулся за ровдугой, расправил светлый лоскут на столе.

Мысль была о знаках. О собственных знаках, которые он придумает! Все они, неповторимые, непохожие друг на друга, будут иметь свой смысл, носить отдельное имя, как родовые тамги. Каждый знак станет словом. Собравшись вместе, знаки-слова сложатся в домм!

Жрец заострил подходящий уголек, примерился к ровдуге. Поводил над нею рукой, точно колдуя, и замер. Нет ли в его намерениях гордыни, желания повторить дело Творца? Всевышний создает великий Домм — жизнь. А Дилга воплощает в Коновязи Времен мгновения человеческого бытия, переплетенные друг с другом. Врубленные в камень слова хранят прошлое и животворят будущее... Но ведь и люди пишут доммы! Другие читают их и берегут. Ньика говорил, что изначальный домм о сотворении Вселенной послал людям Сам Создатель. Значит, Он не порицает запись историй.

Может, когда-нибудь большой ученый живописует историю Срединной земли. А Сандал не обладает столь огромными позна-

ниями. Он расскажет об Элен — так, как видит ее людей и то, что в ней происходит. Он воплотит в нетленном слове судьбу маленькой долины, что с высоты Каменного Пальца кажется песчинкой на груди Орто. Он опишет всё, что видел, видит и еще увидит. Всё, вплоть до войны с демонами на этом Перекрестье живых путей, где рубежом между весной и зимой проходит граница, отделившая Йокумену от остального мира.

День ушел на сочинение знаков. Сандаля уже никто не беспокоил. Жрецы не пустили к нему даже Нивани. Оставляли у порога Сандалявой юрты мису с едой и удалялись тихо. От аймака к аймаку полетел слух, что главный озаренный думает, как усмирить бесов.

Измученный непривычной работой, Сандаль отставил в сторону очередной ровдужный кусок. Ох, сколько же слов в языке саха! Да и в любом другом. Жизни не хватит, чтобы всякое оснастить клеймом и сохранить в памяти... Но постой-ка: нельгезидский торговец, открывший второе женское имя домма — Книга, назвал закорючки в ней «костями словес». Ныка же когда-то нарек знаки спящими звуками. Верховный не смог их пробудить. «Кости» слов застывшего домма могли бы облечься чувствами, как скелет — плотью, могли бы ожить голосом человека, но для этого нужно было знать разговорный язык алахчинов. Выходит, узоры надо придумать не для слов, а для их звуков!

Сандаль окурил ровдужные листы и уголек можжевельновыми ветками. Подвинул к себе лоскут и начал молиться. Всегдашняя молитва, каждое слово которой он чувствовал с биением тока в крови, падала на лист, медленно отражая звуки в нерешительных узорах. Сандаль стирал их, вычерчивал новые, находя наиболее верные.

— *С того дня, как впервые узнал высочайшее Имя Твое, мое сердце любовью к Тебе возгорелось, о Белый Творец!*

С удивлением понял он, что некоторые звуки довольно часто повторяются. Их в языке народа саха, как ни странно, оказалось немногим больше двадцатки.

Скользкий, посвистывающий звук «сэ» на слух напоминал ку-

сочек сала. Сандал почти забыл его восхитительный вкус, но память подсказала знак: стрелку с полукружьем сверху, словно язык, в наслаждении прижатый к нёбу. Звук «а-а» слышался эхом — кудрявой, в две волны, линией-трелью. Жрец засмеялся, начертив знак для звука «э-э» — частицы словесного недоразумения, что пересыпала речь Балтысыта. Старый коваль не узнает, что некоторым образом послужил изобретению тавра, похожего на молот...

Долго размышлял жрец над звуком «тэ». С него начиналось подлинное Имя Белого Творца и слово «любовь» на языке людей саха. Любовь, одно из самых глубинных чувств на Земле.

— Танг-Ра, — прошептал в благоговении Великое Имя и вздрогнул. Ох, вырвалось непроизносимое вслух! Оглянулся в страхе: вдруг да подслушивает какой-нибудь злокозненный дух, закравшийся в юрту? Достал всунутый в изголовье лежанки дэйбир, помахал вокруг себя, отгоняя возможную нечисть.

Вспомнился знак, что чаще других повторялся в домме алахчинов. Сандал нарисовал его — знак-око. Две капли входили одна в другую, образуя посередине круг. Для звука, открывающего суть священных слов, этот знак показался самым подходящим. Полюбовался им, рассматривая под разными углами. Капли будто дышали и жили, смотрели и видели. Перетекали одна в другую... Это был самый красивый знак.

К вечеру следующего дня жрец перебрал звуки знакомых слов и всем придумал красивые тавра. Чтобы запомнить лучше, тщательно переписал наново на чистую ровдугу. С белой кожи восходили к нему, оживая с его же голосом, слова молитвы. Не спуская с лоскута придирчивых глаз, Сандал вытер испорченными обрывками выпачканные углем пальцы. Собранные вместе, заклеянные звуки представляли собой не виданный доселе рисунок-тайну. Не верилось, что сам измыслил эту сложноузорчатую рукопись.

Но сколько сможет сохраняться начертанное углем на ровдуге? Кожа, береста, кость — все преходящее, тленное, все поддается плесени и гниению... На чем сохранить письмена?

Охрой были нарисованы человечки на священном Камне Предков. Эти изображения не смазались в осухоае весен. Только ветра немного обтесали, вышелушили скальную породу, не столь однородную, как поверхность Каменного Пальца. Великан-утес почти глянцевитый и светло-серый... Сандал виновато глянул в окно. Который день Каменный Палец укоризненно маячил в окне: где же ты, озаренный, где твои восходы?

Жрец мгновенно забыл о восходах и упреках.

Если Дилга записывает истории жизней на прозрачном камне Коновязи Времен, почему бы не поверить историю Элен Каменному Пальцу? Утесу, который ежедневно смотрит на долину, знает в ней всех и вся, а главное — способен пережить множество множеств человеческих колен! Камень тверд, но не настолько, чтобы нельзя было выцарапать на нем слова. Для верности можно вогнать в знаки охру либо попросить Урану растереть другую, самую прочную краску. Тогда домм не исчезнет.

Безудержная радость обуревала жреца. В руки попало невиданное сокровище, его можно было подарить всем! Раздавать каждому человеку завтра, месяцы, годы — всегда, и этого сокровища не убудет, покуда теплится Сюр Сандала и мысли светлы. Ах, почему предназначение не пришло к нему раньше! Времени жизни осталось до обидного мало. Успеет ли завершить книгу? Впрочем, записывать домм после смерти главного озаренного смогут все остальные. Места на утесе хватит, как и времени позаботиться о том, чтобы жрецы научились читать и выводить узоры письмен.

По прошествии неисчислимого времени, когда от Элен с ее теперешними жителями не останется и воспоминания, далекие потомки воинов и мастеров найдут Каменный Палец. Они прочитают историю этой красивой долины. Они будут умнее Сандала и, может быть, даже мудрее Ньики. Сумеют прочесть. Время станет совсем другим, но люди, пришедшие взамен праотцев, поймут, что хотели поведать им предки, о чем силились предостеречь. Древний домм поможет искушаемым постигнуть опасность соблазнов,

а отчаявшимся подарит надежду. Скажет им, что вера в Белого Творца и добро всегда побеждают. Ведь добро и есть Сам Творец.

— Все на Земле сложено из живой плоти, — пробормотал жрец. — Живая плоть видит в Ёлю свое уничтожение. Однако же со смертью ничего не исчезает. Смерть лепит из праха Круг жизни. Воссозданная плоть обретает возможность новых радостей и наслаждений, терзаний и боли... Вот в чем бесконечное могущество Орто. А древнее вещество, из которого склеен Нижний мир, способно лишь поглощать, ничего не рождая. Бесплодно лишенное Сюра.

Сандал продолжал говорить, заноса в юрту дрова. Он бубнил, строя из них в очаге расчетливую лежку для духа-хозяина, чтобы не слишком разгорался.

— Высокие боги правят Срединной землей... Демоны вылезают сюда из бездны... А человеку, если он не волшебник, в иные миры не проникнуть.

Он говорил между торопливыми глотками, запивая жидкой сметаной жесткие комки творога.

— Границы небес опускаются к приподнятым окаемкам земли. Бахромчатые концы трутся друг о друга и скрежещут, как зубы грызущихся жеребцов. Тому, кто посмеет сунуться в щель Вселенной, в песок перемелет кости.

Выстругивая удобные палочки вместо крошащихся углей, обжигая их над огнем, он разговаривал сам с собой. Останавливался, размышлял и говорил дальше.

— Богов я опишу складом молитв.

— А каким языком описывать бесов? Не певучим же, не цветистым, каким разговаривают добрые земные духи!

— Да, но я понятия не имею в грязном бесовском языке, что переворачивается на Орто наизнанку.

— Лучше не тратить на чертей мои драгоценные знаки, а помечать нечистых, наподобие коровьего рога, кривой стрелкой острием вниз. Сказывать о них обыкновенной разговорной речью...

Каменный Палец снова встретил одинокий восход. В этот раз Сандал даже из юрты не вышел. Закрывая глаза, он воочию видел освещенный солнцем высокий белый домм. Книга говорила устами стоявших внизу людей.

Знаки начнут бег слева направо с движением Солнца. Ряды их направятся по закону ытыка и вечного Круга снизу вверх, ибо человек по тому же закону стремится ввысь из сегодня в завтра.

Жрец с отчаянием глянул на руки, увитые узловатым вервием сизых вен. Много ли клейм смогут вколотить в скальную твердь его слабые кулаки? Не удержат тесло с молотком дольше времени варки мяса в горшке. Тем более когда домм начнет подниматься все выше и выше! Придется упросить Тимира выделить людей, натерелых в борьбе с камнем.

Сандал расстелил на столе новый лоскут. Вот как работа пойдет: он станет писать домм на ровдуге и передавать мастерам, а те примутся выдалбливать узоры по кругу Каменного Пальца, срисовывая с заготовок черточка к черточке. Кузнецу, равнодушному ко всякому искусству, понравится затея главного жреца.

Выяснилось, что сочинять книгу невероятно трудно. Но Сандал упрямо лепил друг к другу знаки, творя слова. Облекал кости плотью. Начало домма появилось на перемаранном обрывке после невообразимых мытарств и исправлений:

«Взойдя по-осеннему поздно, солнце поторопилось бросить на Срединную землю лучи-поводья. Солнечная дорожка протянулась поперек Большой Реки от широкого берега Эрги-Эн до противоположной долины Элен, замкнутой непрístupной стеною причудливо сбитых утесов. За крутым каменным мысом непосвященному трудно приметить тихий залив, прячущийся в изгибе. Чуть ниже под прикрытием елового перешейка в бабушку-реку впадает горная речка Бегунья. От залива до Элен всего один пеший кёс. Чужаки, прибывшие сюда впервые, удивляются здешним просторам. Привольно раскинулись в озерных аласах усадьбы шести ай-

маков, самое крупное по Большой Реке обиталище племени саха — людей с солнечными поводьями за спиной».

В конце каждой фразы жрец рисовал кружок, завершая ее. Круг, известный знак бесконечности, был здесь уместен, как конец одной фразы и рождение другой.

«Есть в этих славных местах все, чем только может похвалиться Великий лес-тайга — от высоченных лиственниц, какие редко где встретишь, до горячих ручьев. А если говорит об эленцах, потомках божественного коня Дэсегея, то хоть от луны до луны сказывай о доблестных ботурах, певцах-сказителях, искусниках по всякому ремеслу и просто добрых людях — не поведаетшь и половины».

Сандал вспомнил о рассказанном дедом Кытанахом сражении с гилэтами, которые нарушили мирную торговую сделку.

«...Говорят, когда народ прощался с погибшими, прогремел гром и знак молнии выступил на правых щеках мертвых героев. Это конь Дэсегей скакал по полю, горюя о своих детях и помечая их светозарными следами славы, а за спиной его развевались огненные поводья. С тех пор Хозяйки Круга, носительницы земных тайн и горшечного ремесла, начали вырезать на правых щеках воинов знаки памяти о битве с гилэтской армией. Молниеносными называют витязей Элен из-за белых зигзагов рубцов на смуглой коже».

По привычке Сандал каждое утро отмечал дни на пластинке отсчета времени и однажды сообразил, что пошел девятый день его затворничества. Ахнул и опять обо всем забыл. В долгой своей жизни он не видел ничего более значительного, чем эти исписанные углем ровдужные обрывки, освещенные рассветным окном.

«Под исполинским ликом за молодой сосной и большим валуном неприметно чернела пещера. Вот туда-то, продираясь сквозь бурелом, через груды острых булыжин и дробленый сыпун, устремилась изнемогшая от боли и усталости жена багалыка...»